

Рузанов Илья Владиславович*,
*аспирант кафедры государственного и
административного права
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»,
(г. Самара)*

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Начало 21 века – это время развития инновационной экономики, время стремительного изменения общества. Нет никаких сомнений, что меняться должно и право, причем зачастую эти изменения будут касаться устоявшихся классических концепций и доктрин. Одним из аспектов предмета конституционно-правовой науки является порядок формирования органов власти, в частности, избирательное право. Анализу избирательных процедур в контексте современных реалий и посвящена данная работа.

Исходной гипотезой данного исследования является предположение о том, что существующая сегодня система избирательных правоотношений не вполне отвечает запросам современного мира. Конечной целью избирательных процессов является формирование органов власти, тесно связанных с населением, и пользующихся его мощной поддержкой. Поэтому выше выдвинутая гипотеза хорошо подтверждается эмпирически при помощи данных социологических опросов, исследующих уровень доверия к власти.

Результаты опроса, проведенного в октябре-ноябре 2011 года, показывают: 64 процента избирателей считают, что предстоящие в декабре 2011 года выборы в Государственную Думу не могут изменить их жизнь к лучшему¹.

Чтобы данные, лежащие в основе настоящей работы, были более достоверными, приведем исследования Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ), считающегося более лояльным власти. По результатам их замеров, в феврале, марте, апреле и

мае 2012 года деятельность Государственной Думы Российской Федерации одобряли лишь 31, 38, 40 и 40 процентов опрошенных соответственно².

В США Институт Гэллага, начиная с 1974 года, ежемесячно определяет индексы доверия к Конгрессу. В декабре 2011 года был зафиксирован исторический минимум – 11% доверия. В среднем, за 2011 год этот индекс составил 17%³.

Приведенные цифры, безусловно, можно попытаться объяснить различными факторами, в том числе и ситуационными (в частности, экономическим кризисом), однако, если мы наблюдаем одну и ту же тенденцию в двух таких разных странах как Россия и США очевидно, что есть какая-то системная причина.

В этой связи, имеет смысл обратиться к принципам, лежащим в основе избирательных систем современных демократических государств, и проанализировать, насколько они адекватны требованиям времени.

Фундаментальным источником всего избирательного права является конституционная норма о суверенитете народа как источнике власти. Здесь проявляется специфика конституционного права, одним из необычных субъектов которого является народ. Такой субъект имеется только в конституционно-правовой отрасли, и он занимает в ней ведущее место, поскольку в силу статьи 3 Конституции, именно народ является источником всей власти в обществе и государстве. Эти, казалось бы, декларативные положения, имеют весьма существенное практическое значение.

Сама идея народного суверенитета, как считается, принадлежит Ж.Ж. Руссо, который понимал под народом взрослую часть мужского населения. Концепция французского Просветителя была передовой, имевшей явно антимонархический характер. По существу, борьба с самодержавием была главным пунктом повестки дня в то время, и весь народ был един в этой борьбе, что потребовало концептуального обоснования народного суверенитета. Современные исследователи понимают народный суверенитет именно так – как принцип, выдвигающий народ в целом на центральное место в конструкции власти. Так, например, С.А.Авакьян, раскрывая сущность народного сувере-

нитета, отмечает, что уполномоченный орган не может абсолютизировать свои полномочия. Такой орган осуществляет не свою власть, а власть народа. Народ предопределяет характер власти в стране в целом и направления деятельности государственных органов по ее осуществлению⁴.

Демократический посыл этих постулатов очевиден, однако, есть сомнения в том, что можно реализовать потенциал этих положений в условиях современного общества.

Дело в том, что одной из особенностей постиндустриального (или информационного) общества является максимальное обострение противоречий между различными социальными группами. При этом, в рамках инновационной экономики эти группы конституируются не по территориальному принципу, как в индустриальном обществе, а по принципу общности интересов. В условиях индустриализации вся жизнь огромных городов зависит от успешности обслуживаемых ими производственных комплексов. Ярчайшим примером здесь являются так называемые моногорода (например, жизнь города Тольятти всецело зависит от положения АвтоВАЗа). Совсем другую картину мы видим в инновационной экономике, ведущие акторы которой – так называемый креативный класс – не мыслят себя в неразрывной связи с какой-либо территорией. В информационном обществе, личность уже не привязана к определенной территории. Человек может жить в одном регионе, работая при этом на компанию, чья прибыль генерируется в совершенно ином городе или даже стране. Как указывают нам современные философы: «Благодаря развитию информационных технологий, в частности, появлению глобальных информационных сетей, мир сжимается, становясь более доступным и проницаемым»⁵.

Согласно классическому определению Макса Вебера, власть – это возможность одного деятеля в данных социальных условиях проводить собственную волю, даже вопреки сопротивлению⁶. Из этой дефиниции очевидно следует, что субъект властвования должен обладать четко выраженной волей. Однако в современном мире, народ, объединенный избирательным правом по территориальному признаку, единой воли не имеет, представляя собой совокупность разнонаправленных волей. Будучи пронизанным внутренними противоречия-

ми, народ уже не в состоянии выдерживать единую линию поведения. В связи с этим, рискнем предположить, что положение о народе как источнике власти является бессодержательным. Под демократическими лозунгами, данная норма позволяет заинтересованным группам лоббировать принятие любых решений, порой, в ущерб интересам большей части того самого народа.

Мы не отказываемся от демократического посыла этой нормы, однако считаем, что такая огромная социальная группа как народ объективно не может эффективно реализовывать свою власть просто в силу самой сущности власти. В связи с этим, необходимо предоставить возможность гражданам осуществлять власть через более мобильные, близкие им социальные группы. Какие экспликации имеют эти теоретические положения в сфере избирательного права?

Традиционно основной избирательной единицей (первичное звено, объединяющее определенное число избирателей, делегирующих в итоге своих представителей в избираемый орган власти) является территориальный избирательный округ. Он объединяет граждан, обладающих активным избирательным правом и проживающих на определенной территории. В результате получается, что определенная территория (например, субъект Федерации или район определенного города) избирает своего представителя во власть. Как представляется, такая система полностью отвечает требованиям индустриальной экономики, обеспечивая интересы главных субъектов такой экономики – крупных промышленных предприятий, поскольку любой политик, желающий избраться во властный орган, должен будет отстаивать интересы промышленных гигантов из своего округа. Система устраивает и граждан, поскольку по большому счету, качество их жизни предопределяется благополучием соответствующего предприятия. Однако в современном обществе картина меняется, в связи с тем, что, как показано выше, связь человека с территорией стремительно ослабевает. Это хорошо проиллюстрировано замечанием профессора А.Б.Долгина о том, что «интеллектуалы в Костроме и Вятке могут быть куда ближе друг к другу, чем к своим землякам из других страт»⁷. Очевидно, что в этих условиях, избирательный процесс требует некоторой корректировки.

Действительно, чьи интересы представляют депутаты Парламентов? Классический ответ на этот вопрос – интересы народа. Однако поскольку народ становится все менее консолидированным, его интересы все более противоречивы. На одной территории проживают представители сотен различных социальных групп, чьи интересы в лучшем случае не совпадают, а зачастую – противоречат друг другу. Проиллюстрируем этот тезис. Одно из острейших противоречий инновационной экономики – конфликт «творец-потребитель». Здесь показательными являются примеры из области фармакологии. Известно, что значительную часть цены лекарств составляют так называемые «роялти» - отчисления компании, финансировавшей разработку соответствующего препарата. В результате, зачастую жизненно важные лекарства становятся недоступными для широкого круга потребителей. Налицо дисгармония интересов – бизнесу необходимо возвращать вложенные средства, интерес же общества состоит в обеспечении надежного доступа к препаратам.

Очевидно, что при обсуждении законопроектов, определяющих условия пользования изобретениями, позиции двух производителей лекарств, проживающих в разных частях государства, будут совпадать в гораздо большей степени, чем позиции производителя и потребителя лекарств, проживающих в одном городе.

В связи с этим, депутаты вынуждены лавировать между разнонаправленными запросами своих избирателей. Не удивительно поэтому, что социологические опросы фиксируют столь мощное недовольство властью – люди просто видят там лишь лавирующих политиков, а не выразителей своих интересов.

Как это ни парадоксально, но в этом контексте мы обратимся к опыту социалистических государств, практиковавших в двадцатом веке систему производственных избирательных округов. Как известно, власть в этих государствах принадлежала советам, которые изначально являлись классовыми органами, нацеленными на обеспечение интересов пролетариата⁸. Не случайно, один из первых советов был организован в 1905 году в городе Иваново-Вознесенске бастующими рабочими текстильных и ткацких предприятий⁹. Всего в ходе рево-

люции 1905 года в России возникло 62 Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹⁰.

В дальнейшем, уже по Конституции РСФСР 1918 года, высшим органом власти в стране был Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Таким образом, первые советы в нашей стране формировались по производственному принципу. И лишь Конституция 1936 года заменила Советы рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Советами депутатов трудящихся, продекларировав установление диктатуры пролетариата. На позднем этапе развития советского государства была предпринята попытка вернуть элементы производственных избирательных округов. В соответствии с изменениями в Конституцию, внесенными Верховным Советом СССР 1 декабря 1988 года, высшим органом государственной власти в стране становился Съезд народных депутатов СССР. Этот орган формировался по смешанной системе – треть депутатов избиралась по территориальным округам, треть – по национально-территориальным, а еще треть – от общественных организаций. При этом детально регламентировалось количество депутатских мандатов от разных организаций. Например, по 100 мест выделялось представителям профсоюзов и кооперативных организаций, по 75 – организациям женщин, ветеранов и другим организациям. В результате, на Съезде народных депутатов были представлены, например, такие организации как Общество борьбы за трезвость и Общество филателистов¹¹.

Таким образом, на самых раннем и позднем этапах истории советского государства, были предприняты попытки замены территориальных избирательных округов производственными. К сожалению, это были не лучшие исторические моменты для подобных смелых экспериментов. Военный коммунизм, гражданская война, всеобщая разруха 20-х годов, также как и упадок государства и экономики конца 80-х годов, мягко говоря, не способствовали успешности масштабных конституционных реформ. В связи с этим, вряд ли опыт тех лет может быть использован в качестве наглядного эмпирического материала – полученные тогда результаты не отражают всего потенциала системы. Кроме того, советская власть, особенно в первоначальный

период, совершенно не скрывала задачи построения диктатуры пролетариата, поэтому построенная система не обеспечивала гармонизации интересов разных социальных групп. Предоставив власть советам рабочих, крестьян и красноармейцев, конституционные акты того периода не оставили никакой площадки иным социальным strатам. Тем не менее, нам представляется, что в этой системе было рациональное зерно – корпоративный принцип формирования избирательных округов. Думается, потенциал этого принципа может быть раскрыт в современных условиях.

Безусловно, полная замена территориального принципа формирования избирательных округов корпоративным – это крайне масштабная задача, не решаемая единовременно. Однако уже в настоящее время можно осуществлять концептуальное осмысление этой проблемы, продумывать возможные сложности на этом пути.

Прежде всего, необходимо определить, какие коллективы могут быть избирательной единицей, а также, сколько голосов может получить гражданин, являющийся членом нескольких таких коллективов.

С нашей точки зрения, решение этого вопроса лучше предоставить самим избирателям. Любые попытки умозрительно определить круг социальных групп, которые должны участвовать в формировании органов власти, неизбежно будут субъективны и неточны. Кроме того, состав таких групп постоянно меняется, так как постоянно меняются общественные приоритеты. Порой, проблемы, которые волнуют людей, бывают весьма неожиданными. Так, мы можем наблюдать, как люди выходят на улицы, борясь за выживание любимой футбольной команды, как это было в 2010 году в Самаре. Казалось бы, по сравнению с низкими пенсиями, разбитыми дорогами и другими проблемами, футбол не является столь значимым фактором. Однако демократия в том и заключается, что она дает людям возможность самостоятельно решать вопрос о том, что для них важно, а что – нет. В свете этого, перечень групп, участвующих в формировании органов власти, не должен быть раз и навсегда определенным и закрытым. Он должен формироваться перед каждой избирательной кампанией отдельно. В этом смысле огромный потенциал развития демократии несут электронные средства коммуникации, и в частности, социаль-

ные сети. Еще десять лет назад сеть «Интернет» была редким явлением для России, однако уже сегодня такие Интернет-ресурсы как социальные сети «В контакте» или «Одноклассники» насчитывают по сто миллионов людей, то есть, практически, все население России. Не случайно, что ведущие политические деятели, и даже целые властные институты (например, администрация городского округа Самара), стремятся присутствовать в социальных сетях. Весьма активно работают в социальных сетях и представители бизнес-структур. Реклама в социальных сетях представлена как отдельная услуга всеми крупными маркетинговыми агентствами. Таким образом, уже сейчас, значительная доля политических и бизнес - практик осуществляется в социальных сетях. Конечно, в настоящее время нам еще несколько непривычно наблюдать, как Глава города отдает распоряжения своим подчиненным посредством социальной сети. Однако, не стоит забывать, что все социальные практики, которые мы считаем стандартными, приходили в наш мир как революционные, а иногда – как эпатазирующие.

В связи с этим, правовая наука не только может, но и должна исследовать процессы, протекающие в Интернет пространстве. Здесь на помощь юриспруденции должна прийти социология, в рамках которой только зарождается направление по исследованию Интернета. Однако уже сейчас эмпирически видно, что люди, даже в электронных социальных сетях склонны группироваться по интересам. Причем технические средства позволяют установить численность каждой такой группы. Поскольку этот показатель не постоянный, он достаточно точно отражает колебание общественного мнения по поводу важности тех или иных проблем. Полагаем, что численность групп, функционирующих либо в рамках существующих социальных сетей, либо в рамках специально созданной сети, является достаточно точным критерием отбора социальных групп, которые могут участвовать в формировании органов власти.

В рамках такой модели наиболее многочисленные группы непосредственно будут избирать членов представительного органа. Однако здесь возникает еще одна проблема методологического и теоретического характера. В современном мире один человек может входить

во множество групп. Большинство людей имеют несколько социальных ипостасей, являясь одновременно, например, и собственниками недвижимого имущества, и научными сотрудниками, и молодыми родителями. Понятно, что ценность участия в разных группах имеет для каждого гражданина неодинаковое значение. Объективно оценить это можно лишь проанализировав размер издержек, которые готов нести гражданин в качестве платы за участие в группе. Речь идет не о денежной плате, а о иных издержках участия, в первую очередь, временных. Количество времени, которое тратит гражданин на участие в делах того или иного сообщества, является, пожалуй, самой точной характеристикой важности этого сообщества в жизни человека. Приведем пример. Многие граждане с сочувствием относятся к бездомным животным. Однако есть люди, которые участвуют в деятельности организаций помощи бездомным животным – вылавливают их, лечат, находят новых хозяев. Такая деятельность занимает изрядное количество времени, требует большой эмоциональной отдачи. Можно сделать вывод, что для людей, занимающихся этим, проблема безнадзорных животных действительно является существенной, и они должны получить возможность вынести ее на политический уровень.

Таким образом, мы полагаем, что доктрина народного суверенитета в современных условиях должна быть уточнена. В настоящее время речь должна идти не о власти народа как большой социальной группы, а о власти других, менее разнородных социальных групп. С позиции избирательного права имеет смысл концептуально продумать возможность изменения организационной основы выборного процесса, взяв за основу не территориальные единицы, а групповые. В рамках такой концепции нужно решить ряд методологических проблем, по сути, коренным образом изменяющих весь избирательный процесс.

Например, в рамках предлагаемой системы, граждане имеют не одинаковое число голосов. Такое положение противоречит традиционному конституционному принципу равенства лишь на первый взгляд. Ведь предлагаемая избирательная система не лишает права голоса какие-либо социальные группы, не имеет заведомо дискриминационный характер. Речь идет лишь о том, что граждане, принима-

ющее наиболее активное участие в жизни общества, посвящающие этому значительные временные и личностные ресурсы, должны иметь возможность более сильного влияния на центры принятия политических решений. Интересно, что это созвучно и теории одной из современных социологических школ – теории политического обмена. Ее основоположник, П.Блау рассматривает политический процесс как аналог экономики, где действуют разные субъекты, соревнуясь друг с другом. Суть этого соревнования в том, что кто больше вложит средств, времени и сил, тот может рассчитывать на получение от политической сферы большего вознаграждения.

На наш взгляд, такой подход к политической сфере жизни общества реалистичен и справедлив, так как обеспечивает реализацию принципа пропорциональности в избирательном процессе. Также он позволит укрепить связь избирателей и избираемых за счет того, что избиратели будут более осознанно подходить к своему выбору. На этапе голосования у кандидатов, заинтересованных в избрании от какой-либо группы, будет меньше возможностей оппортунистического поведения, так как информационная асимметрия между кандидатом и избирателем в рамках такой системы существенно меньше, чем в традиционной системе. Члены соответствующих групп четко знают свои проблемы и имеют представление о способах их решения, поэтому кандидату будет сложнее скрывать свою некомпетентность. На этапе работы избранного депутата, в силу все той же причины меньшей информационной асимметрии, избирателям проще контролировать деятельность депутата.

---

¹ <http://www.levada.ru/25-11-2011/vybory-v-gosdumu> (дата обращения: 25.04.2012)

² <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/>(дата обращения: 25.04.2012)

³ <http://www.gallup.com/poll/151628/Congress-Ends-2011-Record-Low-Approval.aspx> (дата обращения 25.04.2012)

⁴ Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс.-2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т. 1.- М.: Юристъ, 2007. - С. 332-333

⁵ Манакова И.Ю. Человек в постиндустриальном обществе: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. - Воронеж, 2008. - С.59

⁶ Вебер М. Избранные произведения.- М., 1990. - С.35

⁷ Долгин А.Б. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. – С. 185

⁸ Мандель Д. Революция, контрреволюция и рабочий класс России. Размышления в связи с 80-летием Октябрьской революции (рус.) // Страницы истории. — 1998. — № №7–8. — С. 140.

⁹ Экземплярский П. М. История города Иванова. Ч. 1, Иваново, 1958.

¹⁰ Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение, ч. I. — М., Госполитиздат, 1955. — С. 130.

¹¹ История государства и права России: учеб. для вузов/ под ред. Титова Ю.П.- М.: Проспект, 2003. - С. 497

Сазонова Виктория Дмитриевна*,

студент юридического факультета

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»

(г. Самара)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ

В современном демократическом государстве институт выборов является важнейшим средством реализации политических прав граждан, то есть прав, позволяющих формировать органы государственной власти, а также быть избранными в эти органы власти. Вот почему защита указанных прав представляет собой важную функцию государства, обеспечивающую гарантированную возможность осуществления данных прав.

Одним из средств защиты избирательных прав граждан является институт юридической ответственности за нарушения законодатель-

---

* © Сазонова В.Д., 2012